В. СТРУВЕ

ЭРМИТАЖНАЯ СТЕЛА ХАРЕМХЕБА

ЭРМИТАЖНАЯ СТЕЛА ХАРЕМХЕБА

Стела, которой посвящено настоящее исследование, значится в каталоге египетской коллекции Эрмитажа В. С. Голенищева под n° 1061. Относительно происхождения ее не могло быть установлено никаких данных [1]. Она была вделана в верхнюю часть стены зала Классического Востока направо от входа. Материал ее — известняк; размеры: выш. — 0,78 м., шир. — 1,08 м., толщ. — 0,06 м.

Форма стелы (рис. 1) весьма своеобразна, а именно она отличается чрезвычайной шириной при сравнительно незначительной высоте. Своеобразна и сильная ее закругленность. Она окаймлена с боков и сверху широкой рельефной полосой, к которой примыкает более узкая нерельефная полоса, отмеченная врезанными линиями. Нижний край окаймляется рельефной полосой неправильной формы. Наверху, под двумя окаймляющими полосами изображен крылатый солнечный диск с двумя уреями по сторонам [2]. Под ним изображено слева направо несколько фигур. Первая из них — мужчина, в позе почитания, с поднятыми вверх тонкими руками, запястья которых украшены рельефными браслетами. Пальцы рук длинные, с изогнутыми концами. Туловище слегка наклонено вперед. На голове парик, с ниспадающими тонкими вертикальными прядями волос. Лоб же, уши и часть длинной шеи скрыты тремя локонами, расширяющимися книзу, и пряди которых положены наискось. Профиль лица отличается чуть вдавленным носом с маленькими ноздрями. Миндалевидный глаз поставлен косо. Рот небольшой с полными губами. Нижняя часть лица между слегка заостренным подбородком и шеей чуть-чуть свисает. Невысокая грудь украшена узким двойным ожерельем. Переход от груди к животу отмечается тремя неглубокими полосами. Живот, с рельефно очерченным пупком, выступает вперед мягкой массой. Бедра толстые, даже жирные. На ногах сандалии с толстой дужкой на подъеме. Туловище покрыто длинным сложным одеянием; оно почти прозрачно и ниспадает складками в различных направлениях. Об этой одежде нам придется ниже говорить более обстоятельно. Из слов конца предпоследней и последней строк надписи мы узнаем, что перед нами, в лице только что описанного мужчины, — весьма крупный сановник древнего Египта: „наследный князь [3], великий начальник солдат Харемхеб“.

[1] См. W. Golénischeff, Ermitage Impérial. Inventaire de la collection égyptienne (1891), 151. Здесь не приведено никаких сведений о происхождении разбираемого памятника. Я лично не мог предпринять самостоятельного исследования этого вопроса в эрмитажном архиве, ввиду временной эвакуации последнего в Москву.

[2] О значении этого религиозного символа и о влиянии его на окружающие культуры см. Ed. Meyer, Reich und Kultur der Chetiter (1914), 29 сл.

[3] Этот титул (по-египетски *репати*), по мнению Gardiner'a, Hieratic texts, Serie I, Part I, 1909, 17 * пр. 7, обозначает престолонаследника.

Направо от него изображены три бога, стоящие друг за другом. Первый из них — древний бог знаменитого Ону (Гелиополя), Тум [1]. Надпись над ним перечисляет следующие его эпитеты: „великий бог, открывающий небо до земли, царь богов, владыка вечности прошлого и будущего". Бог стоит, с выдвинутой вперед левой ногой, перед Харемхебом. Правой рукой он опирается на скипетр *уас* [2], в левой руке он держит символ жизни *анх* [3]. На голове его *пшент*, корона обоих Египтов. Глаза поставлены косо. Характерен нос со слегка приподнятым концом. Рот очерчен как у Харемхеба. К подбородку прикреплена божественная бородка с загнутым концом. Шея длинная и тонкая. На груди ожерелье. Туловище покрывает короткая рубашка, поддерживаемая на плечах помочами. Поверх рубашки ложится около талии, до колен, короткий передник. Он сдерживается поясом, к которому прикреплен „волчий хвост" [4]. Только что описанный костюм является обычным орнатом богов [5]. За Тумом стоит, согласно надписи, „Осирис Оннуфрий, первый из Западных, владыка прекрасной страны" (т. е. страны мертвых). Он закутан в длинные пелены мумий, плотно облегающие его толстые бедра. Голова покоится на длинной, тонкой шее. Она украшена короной *Атеф*, свойственной Осирису. Лицо похоже на лицо Тума. В правой руке он держит жезл *хека* (т. е. правления), а в левой—плеть *нехех*. За Осирисом бог с головой кобчика; поза, костюм и атрибуты те же, что и у Тума. Это бог Пта-Сокарис, бог мертвых города Мемфиса [6]. В надписи он назван „Пта-Сокар, владыка Шит [7], владыка неба, правитель бесконечности". Уже на первый взгляд, по стилю изображений, только что описанная стела относится к Новому Царству. Молитва Харемхеба обращается к одному только первому богу, Туму: „Хвала твоему ка [8], о Тум, Гор обоих горизонтов, великий бог, владыка великого дворца! дай удовлетвориться моей душе тем, чем удовлетворишь ее ты! (дай) утолить жажду водой, исходящей от твоего жертвенника! (дай) получить хлебы, выходящие перед жертвенниками владык Гелиополя! (дай) вдыхать сладкий ветер севера для ка Осириса имя рек!"

Разобранная нами стела Харемхеба любопытна во многих отношениях: и как редкий образец стелы такой формы и пропорций, и по своему художественному значению, и с чисто исторической точки зрения, как памятник первого сановника

[1] Тум или Атум, локальный бог Ону (библ. Он), был очень рано отожествлен с богом солнца Ра. Эта гелиополитанская религиозная система стала господствующей во всей стране, оказав сильнейшее влияние также и на искусство созданием канона изображений храмов и гробниц, ср. G. Maspero, L'Egypte, 1912, („Ars una"), 58.

[2] Интересно новое толкование этого жезла у C. G. Seligman, The Uas sceptre as a beduin camel stick (Journ. of egypt. arch. III, 1916, 127).

[3] Знак *анх* продолжал употребляться и в коптском искусстве, уже в качестве христианского символа, ср. J. Strzygowsky, Koptische Kunst, XVII.

[4] Волчий хвост входил также в состав царского костюма и был первоначально широко распространенным украшением ливийских народов. У египтян он сохранился в качестве сакрального рудимента в орнате царя и богов, ср. L. Borchardt, Das Grabdenkmal des Königs, Sa' hu - Re, II, Die Wandbilder, 13.

[5] Ср., например, костюм Амона на стеле Аменофиса III у P. Lacau, Stèles du Nouvel Empire (в серии Catal. gén. d. ant. égypt. du Musée du Caire), тбл. XV.

[6] В лице Пта-Сокариса слились два, первоначально ничего общего между собой не имевшие божества — Пта, бог города Мемфиса, покровитель художников и ремесленников, и Сокарис, бог мертвых мемфисского некрополя Расетау (около совр. Саккара); ср. Röder, Sokar, Roscher Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Mythologie.

[7] Иначе Шетит (святилище Сокариса).

[8] По мнению Масперо, „ка" соответствует двойнику, как бы материальной душе бога и человека. Steindorff (Der Ka und die Grabstatuen, в Zeitschr. f. ägypt. Spr. u. Altertumskunde XLVIII, 152 сл.) видит в „ка" демона-хранителя.

государства. В виду этой важности стелы, большое сожаление вызывает то обстоятельство, что единственная научная обработка ее встречается в кратком описании „Inventaire" В. С. Голенищева 1891 года [1]. Впрочем, надо признать, что В. С. и в этих немногих словах, посвященных нашей стеле, указал, с интуицией крупного ученого, на правильный путь определения ее датировки и происхождения. К этим вопросам мы теперь и перейдем.

Средствами датировки нашей стелы могут служить в первую голову имя и титулы заказчика стелы. Имя Харемхеб не слишком часто встречается на памятниках; по крайней мере, в словаре египетских имен Либлейна оно принадлежит к

Рис. 1. Стела Харемхеба (известняк). Эрмитаж (с фотографии)

более редким [2]. Выбор будет тем более ограничен, что наш Харемхеб был крупным сановником, игравшим, очевидно, в известный период Нового Царства немаловажную роль. Таких лиц с именем Харемхеб и высоким положением в государстве мы знаем в сущности от этой эпохи лишь двух. Правда, прежде казалось некоторым ученым, что существовало три сановника с подобным именем, но не так давно американскому египтологу Breasted удалось доказать идентичность двух из них. Об этом вопросе нам еще придется говорить ниже, теперь же посмотрим, кто были те два вельможи, с именем Харемхеб, которые, согласно общему мнению, оставили нам памятники от эпохи Нового Царства. От первого из них дошла до нас его гробница в Фивах. Стены этой гробницы, высеченной в скалах фиванского некрополя, изобилуют хорошо сохранившимися изображениями, которые дали

[1] Если не считать трех строк, которые посвятил нашему памятнику J. Lieblein, Die ägyptischen Denkmäler in St. Petersburg, Helsingfors, Upsala und Copenhagen (1872), 27, n⁰ 47.

[2] Всего в обоих томах книги J. Lieblein, Dictionnaire de noms hiéroglyphiques — девять примеров этого имени.

материал для многих глав книги Уилкинсона „Manners and customs of ancient Egypt“ [1]. В 1889 г. гробница была издана полностью Бурианом в его „Tombeau de Harmhabi“ [2]. Она типична для середины XVIII династии и не принадлежит приэтом к наиболее пышным образцам погребальных сооружений этой эпохи, что, пожалуй, и соответствует тому положению, которое занимал покойный в иерархическом мире древнего Египта. Этот Харемхеб жил при четырех царях: Тутмосисе III (1501—1447), Аменофисе II (1447—1420), Тутмосисе IV (1420—1411) и, наконец, при Аменофисе III (1411—1375). Но, несмотря на свою, вероятно, долгую жизнь, ему не удалось выслужиться до последних высот иерархии. Вот титулы его: „наследный князь и граф (хатиа), любимец владыки обеих земель, хвалимый благим богом, очи царя во всей стране, пребывающий в сердце Гора, спутник владыки силы в чужеземных странах севера и юга, носитель царского опахала, царский писец, начальник полей, начальник скота Амона, начальник работ Амона, начальник жрецов на юге и севере, начальник всех военных царских писцов, писец рекрутов, писец конницы“ [3]. Эта длинная многоречивая титулатура указывает нам на то, что покойный занимал довольно видный пост в военном ведомстве своей страны, но отнюдь не первый. Среди его титулов, разбросанных в надписях гробницы, мы будем тщетно искать „начальника солдат“, т. е. начальника над всеми военными силами египетского государства, каковой титул носил Харемхеб нашей эрмитажной стелы. Поэтому, уже в виду несоответствия титулов, мы должны отклонить отожествление этих двух Харемхебов. Сравнение изображений гробницы, в том виде, как они изданы Бурианом, с рельефами нашей стелы, повидимому, также не позволяет отожествить Харемхеба фиванской гробницы с Харемхебом эрмитажного памятника. Стиль изображений гробницы и стиль разбираемой стелы сильно отличаются друг от друга. Стиль фиванской гробницы восходит к более раннему периоду Нового Царства. Но я не буду пока слишком настаивать на данном аргументе, ибо упомянутая фиванская гробница издана, к сожалению, не по фотографиям, а на основании рисунков. Для нашей цели достаточно и одного несоответствия титулов. Посмотрим теперь, возможно ли отожествление Харемхеба нашей эрмитажной стелы со вторым Харемхебом, известным по нескольким памятникам, разбросанным в различных музеях. Для решения этого вопроса нам придется предварительно познакомиться со всем этим изобразительным материалом. Часть его хранится в Британском Музее. Здесь имеются два косяка двери, на которых изображено лицо названное Харемхебом, в позе молитвы. На одном из них изображение сопровождается гимном Ра, богу солнца, на втором — Осирису. К сожалению, сколько я мог установить, рельефы косяков еще не изданы [4]. В том же музее хранится и большая стела (рис. 2), изображающая в верхнем своем ярусе сановника с именем Харемхеб в молитве перед Гором обоих горизонтов, Тотом, богом мудрости, и Маот, богиней правды. Нижняя часть заполнена молитвами к трем названным божествам [5]. Уже при беглом осмотре рельефов этой стелы, кидается в глаза поразительное сходство их с изображениями

[1] Новое издание — S. Birch, 1878, II, рис. 104, 216, 226 и т. д.
[2] Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire V, 413 сл.
[3] Ук. соч., 416.
[4] Литература об этих памятниках у J. H. Breasted, Ancient records of Egypt III, 8 пр. d.
[5] Ed. Meyer, Die Stele des Horemheb, в Zeitschr. f. äg. Spr. u. Altertumsk. XV, 148 сл.

нашей эрмитажной стелы. В каирском музее имеется несколько фрагментов, очевидно, дверных косяков, которые представляют Харемхеба или сидящим перед своим жертвенным столом, или же молящимся перед различными божествами. Все эти фрагменты также еще не изданы, опубликованы лишь одни их надписи [1]. Интересен фрагмент в болонском музее. На нем Харемхеб изображен исполняющим полевые работы на полях Иалу, в царстве блаженных [2]. В частной коллекции Цициния в Александрии хранится другой фрагмент, изображающий Харемхеба стоящим, опираясь на посох. Надпись, сопровождающая изображение, повествует о военной экспедиции Харемхеба к верхнему Нилу. Из этой экспедиции он благополучно возвращается, везя с собой обильную добычу, которую затем осматривает царь [3]. Очевидно, к этой же экспедиции в Нубию имеет отношение другой фрагмент болонского музея, на котором изображены пленные негры и египетские надсмотрщики. Изображение это, по стилю своему, тожественно со всеми прочими рельефами, связанными с именем Харемхеба [4]. В особенности сильно чувствуется эта связь при взгляде на знаменитые рельефы с изображениями из жизни Харемхеба, которые хранятся ныне в лейденском музее. Все они, кроме одного, относятся к двум сериям изображений, содержанием которых является награждение золотом Харемхеба после удачного азиатского похода. В первой серии (рис. 3) фигура царя, находившаяся в углу направо, отломана. Харемхеб, с поднятыми в ликовании руками, отягчен ожерельями из золота. За ним налево приближаются два двойных ряда азиатов. Над ними была линия конницы, от которой остались теперь лишь копыта. Во второй серии (рис. 4), мы видим и нижнюю часть фигур царя и царицы. Внизу Харемхеб стоит один, его шея украшена золотыми ожерельями.

Рис. 2. Стела Харемхеба (известняк). Британский Музей (Budge, A guide to the egyptian galleries)

[1] Mariette, Monuments divers, тбл. 74, 75.

[2] n⁰ 1185 болонского музея: Breasted, Geschichte Aegyptens, рис. 149 к стр. 322. Происхождение этого фрагмента из гробницы Харемхеба в Саккара доказал Breasted, Anc. rec. III, 12 пр. d.

[3] Фрагмент издан у Wiedemann, Proceedings of the Society of Biblical Archaeology XI, 424.

[4] n⁰ 1165 Болонского музея. Breasted уже в 1906 г. (ук. соч., 12 пр. е) понял необходимость причисления этого фрагмента к рельефам из гробницы Харемхеба. Bissing, впервые издавший памятник (Denkmäler ägyptischer Skulptur, тбл. 81) не приводит мнения Breasted и упустил поэтому из виду связь болонского рельефа со стенными изображениями гробницы Харемхеба.

Надписи всех этих изображений знакомят нас с многочисленными титулами, которые носил при жизни Харемхеб. На некоторых памятниках они варьируются, но несколько титулов встречается постоянно. И вот среди этих постоянных титулов, пестрящих на всех только что перечисленных памятниках, встречаются, наряду с „царским писцом“, и „наследный князь“, и „великий начальник солдат“; так, например, на стеле Британского Музея, содержащей три гимна Ра, Тоту и Маот, эти титулы гласят: „наследный князь, держащий опахало по левую руку царя, великий начальник солдат царя, Харемхеб“. Мы видим, что титулы почти тожественны с титулами разбираемой нами стелы, и поэтому в данном отношении нет никаких препятствий для отожествления Харемхеба эрмитажной плиты с Харемхебом упомянутой стелы Британского Музея и прочих вышеперечисленных памятников. Это же тожество имени и титулов заставило и Голенищева в описании нашей стелы высказать догадку, что „le Horemheb de cette stèle soit le même que celui d'une stèle du Musée Britannique, qui nous a fait connaitre un long hymne au dieu solaire“ [1]. Но эта остроумная догадка, к сожалению, не была подкреплена другими соображениями. Это тем более требовалось, что отожествлению Харемхеба эрмитажной стелы с Харемхебом на стеле Британского Музея мешало одно затруднение, которое в 1891 г., когда Голенищев издавал свой „Inventaire“, еще не было устранено. Дело в том, что на стеле Британского Музея, по наблюдению Эд. Мейера [2], как и на прочих упомянутых памятниках полководца Харемхеба, этот последний изображен с уреем, т. е. с отличием, свойственным лишь царскому достоинству. Присутствие царственного урея, извивающегося на челе простого смертного, хотя и высокого положения, являлось долгое время камнем преткновения для остроумия всех историков, подходивших к изучению названной группы памятников. Давно уже Birch была высказана догадка, что этот военачальник Харемхеб, с уреями на челе, тожествен с царем Харемхебом, знаменитым преемником Эхнатона, создателя тель-амарнского культа и искусства. Он полагал, что этот Харемхеб,

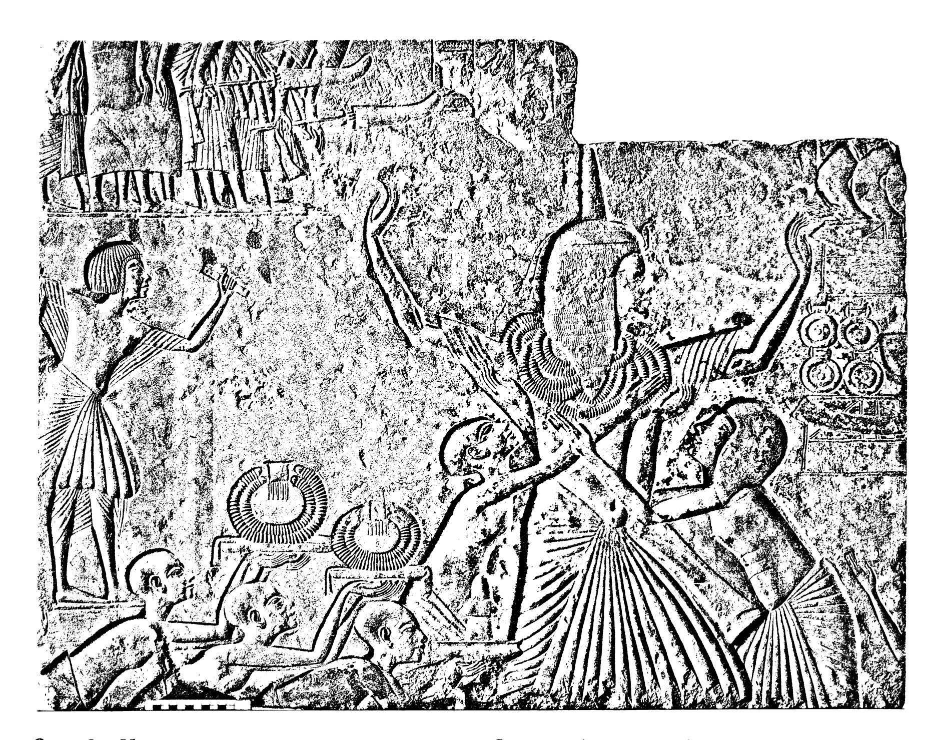

Рис. 3. Харемхеб, награжденный золотом. Рельеф (известняк). Лейденский музей (Boeser, Gräber des Neuen Reiches).

[1] Inventaire, 151.

[2] „An der Stirn trägt er ein Uraeus-Diadem, wie der Horemheb, dessen Grab in Sakkarah Mariette, Monuments divers pl. 74 u. 75, publicirt hat“ (ук. соч., 148 — 149).

вскоре после того, как достиг престола, был лишен его Рамсесом I, но с оставлением за ним некоторых царских прерогатив, как, например, права носить урей [1]. Эта догадка о тожестве полководца Харемхеба, чело которого на памятниках всегда украшено уреем, с царем Харемхебом, последним из фараонов XVIII династии, долгое время повторялась и варьировалась на различные лады, но точного доказательства не удавалось найти, несмотря на неоднократные попытки в этом направлении [2]. Оно было найдено, когда в 1899 г. Breasted установил принадлежность одного фрагмента венского музея к одному из уже упомянутых лейденских фрагментов гробницы полководца Харемхеба (рис. 5). На рисунке ясно видно, что этот лейденский фрагмент, относящийся к тем же двум сериям изображений триумфа Харемхеба, вполне примыкает к верхнему осколку, заполненному надписью (гипсовому слепку с названного венского фрагмента). Надпись этого фрагмента любопытна и сама по себе. Она повествует о появлении в пределах Египта азиатских пришельцев, ищущих убежища в Нильской долине. Некоторыми учеными эта надпись даже рассматривалась, как доказательство прихода Израиля в страну Египта [3]. Благодаря же открытию Breasted, эта надпись получила еще специальный интерес. Дело в том, что она упоминает в первой своей вертикальной строке внизу в картуше имя царя Джесер-Хепру-Ра, т. е. тронное имя царя Харемхеба. Таким образом, было доказано тожество генерала Харемхеба с царем Харемхебом, и установлена хронологическая связь между его памятниками. Если всмотреться пристальнее в изображение Харемхеба на рис. 6, то станет ясно, что урей был лишь впоследствии вырезан надо лбом названного вельможи, и что даже для этой цели должно было быть сужено опахало, которое тот держал в руке. Из этого же факта следует, что все эти памятники, оставленные нам полководцем Харемхебом, возникли до его воцарения, а урей, украшающий его чело и столь долго смущавший исследователей, был врезан позже, когда он уже сделался царем [4]. Но если это так, и Breasted прав со своим отожествлением полководца и царя Харемхеба, то в таком случае возникает возможность очень заманчивого истолкования нашей эрмитажной стелы. Действительно, если „наследный князь, держатель опахала по

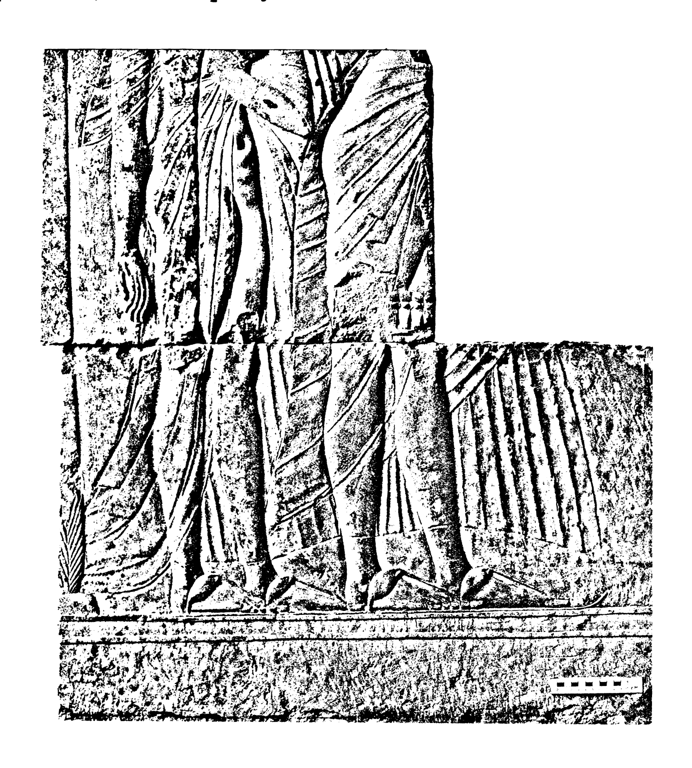

Рис. 4. Фрагмент рельефа из гробницы Харемхеба (известняк). Лейденский музей (Boeser, Gräber des Neuen Reiches)

[1] См. заметку Birch, опубликованную у Ed. Meyer, ук. соч., 149.
[2] Литература у Breasted, King Harmhab and his Sakkara Tomb (Zeitschr. f. äg. Spr. u. Altertumsk. XXXVIII, 47 сл.).
[3] Об этом см. мою книгу „Израиль в Египте“ (Москва, 1920), 12.
[4] Breasted, King Harmhab and his Sakkara Tomb (ср. также его Anc. rec. III, § 10 сл.).

13

левую сторону царя, великий начальник солдат Харемхеб“ стелы Британского Музея и „наследный князь, великий начальник солдат Харемхеб“ эрмитажной плиты тожественны, по догадке Голенищева, то тем самым, согласно открытию Breasted, Харемхеб нашего эрмитажного памятника будет тем же вельможей, который под именем „Джесер-Хепру-Ра, избранника Ра, любимца Амона“ сделался царем над Египтом и преемником Эхнатона, знаменитого еретика Тель-Амарны. И, таким образом, стела Эрмитажа, столь долго висевшая во мраке египетского зала, почти не обращая на себя внимания, попадает внезапно в яркий свет истории и становится одним из самых ценных предметов всей коллекции, столь богатой, к слову сказать, первоклассными вещами. Разбираемая нами стела явилась бы памятником, восходящим к бурной эпохе Тель-Амарны, самому интересному периоду не только египетской истории, но и вообще истории классического Востока. Она принадлежала бы полководцу и царю Харемхебу, стоящему в какой-то связи с еретиком Эхнатоном и сумевшему, несмотря на это, установить на долгие годы свое царствование. Харемхеб был тем царем, который восстановил порядок после смут, вспыхнувших в год смерти царя-еретика, и он же был автором знаменитого декрета милости, который начертан на стенах карнакского храма и ставит Харемхеба в ряд с самыми гуманными правителями всемирной истории. Но если таковы перспективы, в случае правильности отожествления полководца Харемхеба стелы Эрмитажного музея и Харемхеба памятников лейденского, болонского, британского и пр. перечисленных музеев, то тем бо̀льшая тщательность и осмотрительность требуются при доказательстве этого положения. Нельзя уже ограничиться одним указанием на тожество имени и титулов. Надо будет подкрепить этот аргумент, сам по себе достаточно веский, другими доводами. Это привлечение новых данных требуется также, в виду одной чрезвычайно характерной особенности, которая, как мы видели, отличает нашу стелу от прочих памятников Харемхеба, а именно отсутствия на лбу Харемхеба царственного урея. Это обстоятельство вызывает известные сомнения, ибо полное отсутствие памятников полководца и будущего царя Харемхеба без урея понизило бы сильно степень вероятности отожествления Харемхеба нашей стелы со знаменитым царем того же имени. Но, к счастью, сохранились изображения Харемхеба из его до-царского периода, также лишенные царского

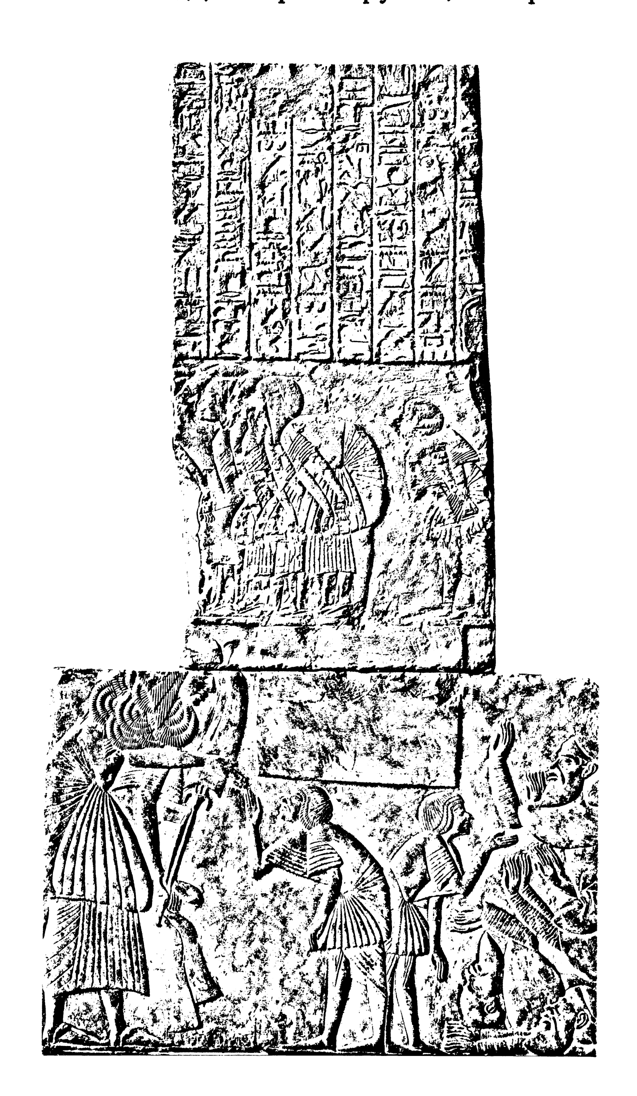

Рис. 5. Венский и лейденский фрагменты гробницы Харемхеба (лейденский фрагмент — известняк, венский — гипс. слепок). (Boeser, Gräber des Neuen Reiches)

урея. Одним из таких памятников является фрагмент стены гробницы, хранящийся в лейденском музее (рис. 6). Наверху изображен свод неба. Под ним „великий начальник солдат Харемхеб“ стоит у жертвенника перед Ра-Хармахисом. Надпись содержит молитву к названному богу. Направо следы надписи, посвященной Гатор. Из этого следует, что описанный рельеф не является законченным целым, а отпилен от другого куска. Доказательство же того, что этот „великий начальник солдат Харемхеб“ тожествен с генералом Харемхебом прочих лейденских фрагментов, можно видеть в трактовке тела, обнаруживающей те же особенности, которые характеризуют и изображения царя Эхнатона, созданные согласно требованиям стиля амарнской эпохи: „живот выступает вперед, во всем теле чувствуется ожирение; волосы подрезаны, как в Амарне, а на шее он носит ожерелья, которыми Эхнатон имел обыкновение награждать своих верных слуг“ [1]. И надпись, содержащая молитву Ра-Гору обоих горизонтов [2], являет все признаки влияния религиозной системы Амарны. Ввиду этого надо признать, что только что описанный рельеф относится к той же гробнице военачальника и царя Харемхеба, как и прочие лейденские фрагменты. Это признается всеми исследователями [3]. Согласно традиции находки, гробница эта находилась в Саккара, в некрополе Мемфиса [4]. Но возвратимся к изображению Харемхеба на последнем из лейденских фрагментов. Харемхеб изображен здесь без урея, который не был вырезан и тогда, когда Харемхеб сделался царем. Причиной такого опущения был отчасти недостаток места. Иероглифы надписи слишком близко подступают ко лбу, хотя мы видели выше, что ваятели-реставраторы не слишком церемонились с этим и ради получения свободного места не останавливались и перед изменением прежних изображений. Но, как бы то ни было, этот лейденский рельеф доказывает с очевидностью, что украшение чела более ранних изображений Харемхеба царственным уреем проводилось не вполне последовательно. Бывали изображения, которых не коснулась эта реставрация. К таким же памятникам, оставшимся без изменения, принадлежали, кажется, три фрагмента Лувра, попавшие туда из коллекции Дроветти (nn° 68, 69 и 70) [5]. Два из них являются, вероятно, косяками, а третий архитравом дверей гробницы. Они, к сожалению, не изданы, а лишь описаны Chassinat [6]. Надписи этих памятников называют „царского писца, носителя опахала по левую сторону царя, наследного князя, великого начальника солдат Харемхеба“ — титулы, совпадающие с титулами царя и полководца Харемхеба. Из изображений покойного, сохранились лишь рельефы на архитраве. Здесь, согласно описанию Шассина [7], дважды изображен „Haremhabi en costume de gala, longue robe empesée a tablier triangulaire et manches plissées, agenouillé en adoration“.

[1] Wiedemann, Beiträge zur ägyptischen Geschichte (Zeitschr. f. äg. Spr. u. Altertumsk. XXIII, 81).

[2] Перевод у Breasted, Anc. rec. III, §§ 3, 4.

[3] Wiedemann, ук. соч., 81; Breasted, Anc. rec. III, стр. 4; Flinders Petrie, A history of Egypt. II, 243; Capart, Recueil des monuments égyptiens, тбл. XXXVIII; Boeser, Beschreibung der ägyptischen Sammlung des Niederländischen Reichsmuseums der Altertümer in Leiden. Denkmäler des Neuen Reiches I, 7.

[4] Boeser, ук. соч., 5.

[5] E. de Rougé, Notice des monuments au Musée du Louvre (1873), 106.

[6] „Note sur une porte du tombeau de Haremhabi“ в Mémoires de la Mission Archéologique Française au Caire V, 486 сл. Chassinat рассматривает эти три фрагмента, как входящие в число остатков гробницы первого, вышеупомянутого Харемхеба, ничего общего не имеющего с будущим царем Харемхебом. Но подобной локализации данных фрагментов противоречат, как мы сейчас увидим, титулы их надписей.

[7] Ук. соч., 487.

Этот „tablier triangulaire“, о котором нам еще придется говорить, является характерной принадлежностью костюма амарнской эпохи. Таким образом, и с этой стороны мы не встречаем препятствий к отожествлению полководца Харемхеба луврских фрагментов и Харемхеба всех прочих перечисленных нами памятников. В пользу этого отожествления говорит и то, что Харемхеб луврского памятника, очевидно, был лишен урея, ибо, в противном случае, надо полагать, Шассина отметил бы в своем описании столь своеобразную черту. Но, как бы ни обстояло дело с изображением Харемхеба на луврском рельефе, для нашей цели достаточно и одного лейденского фрагмента. Изображение на нем полководца Харемхеба без обычного урея устраняет всякие препятствия к отожествлению Харемхеба нашей эрмитажной стелы и царя Харемхеба, преемника Эхнатона, — конечно, если мы сможем подкрепить это сближение еще доводами археологии, истории искусства и истории религии.

Рис. 6. Харемхеб перед Ра-Хармахисом. Рельеф (известняк) Лейденский музей (Boeser, Gräber des Neuen Reiches)

Исследование особенностей костюма, который носят изображенные на стеле лица, дает нам необходимые археологические данные для датировки. Костюм богов не вызывает особого интереса. Это типичное одеяние богов среднего периода Нового Царства [1]. Поэтому мы можем оставить его в стороне и сосредоточить внимание на костюме самого Харемхеба. То сложное одеяние, которое покрывает его туловище, не является наиболее типичным образцом костюма амарнской эпохи (ок. 1390—1370 до Р. Х.), к которой должна восходить наша стела, если вельможа Харемхеб, изображенный на ней, идентичен с Харемхебом, одним из приспешников царя Эхнатона и будущим царем. Из принадлежностей костюма амарнской эпохи очень типичным является тот своеобразный трехугольный передник, о котором уже была речь. Мы видим этот передник уже на ранних памятниках Эхнатона, относящихся к его фиванскому периоду, до переселения в Амарну, — например, на рельефе из фиванской гробницы первого министра Рамеса, занимавшего этот высокий пост в первые годы Эхнатона, такой передник носят те два низко склонившихся чиновника, которые следуют за четырьмя носителями опахала (рис. 7). Подобного рода передник настолько характерен для амарнской эпохи, что мы можем любой памятник с изображением данной части костюма безошибочно отнести к этому периоду. По сравнению с этим костюмом,

[1] Lacau, Stèles du Nouvel Empire, тбл. VII.

одеяние нашего Харемхеба встречается реже, но всеже достаточно часто, чтобы быть причисленным к формам одежды, созданным модою столицы Эхнатона, формам, столь часто встречающимся на рельефах Тель-Амарны [1]. В аналогичный костюм одет вельможа, изображенный на эрмитажной стеле n⁰ 1092, издаваемой в нашем исследовании (рис. 9). Вельможа стоит в молитве перед богом солнца, Гором-Яхути, т. е. Гором обоих горизонтов. Согласно надписи, имя адоранта гласит „Бутера". Но для нас важнее титул его, не вполне правильно прочитанный В. С. Голенищевым в его „Inventaire" (стр. 165), в виду чего В. С. и не отнес данной стелы к амарнской эпохе, как это требовалось надписью, а оставил ее даже без всякого хронологического определения. Среди титулов Бутеры красуется на первом месте „начальник кораблей дома Атона" [2]. Атон („солнечный диск") было именем великого единого бога царя-еретика Эхнатона, и поэтому стела n⁰ 1092 эрмитажной коллекции относится безусловно к эпохе Амарны, ибо ни до Эхнатона, ни после него не существовало особого храма Атону. „Святилища солнца" возникли впервые по велению создателя амарнской эпохи и исчезли вместе с ним. В таком случае, мы имеем полное право воспользоваться свидетельством стелы для сравнения костюма Бутеры с костюмом военачальника Харемхеба плиты n⁰ 1061. Мы видим, что костюмы Бутеры и Харемхеба почти тожественны. Единственная разница та, что сквозь одежду Харемхеба намечены контуры ног, костюм же Бутеры скрывает их. Это, может быть, указывает на то, что полотно второго костюма непрозрачно, но возможно и нежелание ваятеля отмечать эти детали. Для нашей цели, во всяком случае, это различие неважно; существенным является лишь внешняя форма костюма. А она на обеих стелах совпадает. И Харемхеб, и Бутера одеты в одинаковую длинную рубашку, оставляющую открытой грудь. Правая сторона этой рубашки лишена рукава, очевидно для более свободного движения руки, левая снабжена широким раструбчатым рукавом, не доходящим до локтя. Около талии начинается передник, ниспадающий немного ниже колен; книзу, он отграничен от рубашки линией и отличается от нее более широкими складками (сама рубашка ниспадает очень узкими складками). Сбоку на стеле Харемхеба передник, по небрежности ваятеля, не отделяется разграничивающей линией от рубашки, и единственным различием между ними служат складки, вертикальные на переднике и косые на рубашке. Придерживается передник на талии широким шарфом, конец которого украшен бахромой. Подобного рода костюм встречается неоднократно, как я уже сказал, на амарнских памятниках. В предшествующее и последующее время, сколько мне известно, он не встречается [3]. Это же одеяние носит и будущий царь Харемхеб на лейденском фрагменте, изображающем его в молитве перед Ра-Гор-Яхути (рис. 6). Тот же костюм мы видим на нем на большой стеле Британского Музея (рис. 2). Здесь он даже в деталях соответствует костюму Харемхеба петербургской стелы. Мы видим, таким образом, что этот второй образец тель-амарнской моды, установленный нами на разбираемом памятнике, имелся, действительно в гардеробе того Харемхеба, который сделался впоследствии царем.

[1] Davies, The rock tombs of El Amarna, passim, напр., I, тбл. XXXVII, XXXVIII, XLI и т. д.

[2] Голенищев имя Атон прочел как Амон, смешав t и mn, действительно похожие в иероглифической транскрипции.

[3] Для костюма первой половины XVIII дин. ср., напр., Lacau, ук. соч., тбл. IV, VI; для XIX дин. ср. Budge, A guide to the egyptian galleries, тбл. XXIII и рис. на стр. 176.

Обратимся теперь к прическе Харемхеба нашей стелы. Этот своеобразный убор, с тремя локонами, расширяющимися книзу, имеет свои аналогии среди причесок Тель-Амарны и вне этой эпохи и ближайшего к ней времени он, по крайней мере в изданном материале, не встречается. Почти тожественную прическу, что у Харемхеба, мы видим, например, у коленопреклоненного вельможи Маху. Этот парик носится и другими вельможами Тель-Амарны, где мы встречаем его нередко на рельефах гробниц [1]. Он появляется уже в фиванский период Эхнатона, украшая головы четырех носителей опахала на уже упомянутом рельефе (рис. 7) из гробницы Рамеса [2]. Похожие прически, хотя иной раз и менее пышные (с меньшим числом локонов), носили и подчиненные этих тельамарнских вельмож, например слуги полководца и царя Харемхеба на лейденских фрагментах (рис. 3 и 4). Один из них (направо в нижнем ярусе рельефа, воспроизведенного на рис. 3) имеет даже вполне тожественную прическу. Фрагмент лейденского музея с примыкающим к нему венским фрагментом (рис. 5) помогут нам установить тот знаменательный факт, что Харемхеб, заведомо тожественный с одноименным царем, носил ту же прическу, что и Харемхеб эрмитажной стелы. Единственное различие — это лента, обвивающая сверху парик, но она, конечно, не препятствует отожествлению причесок на двух названных изображениях, и мы можем поэтому согласиться с тем, что и по прическе своей генерал Харемхеб эрмитажного памятника должен быть отнесен к эпохе Амарны и отожествлен с деятелем этой эпохи, будущим царем Харемхебом.

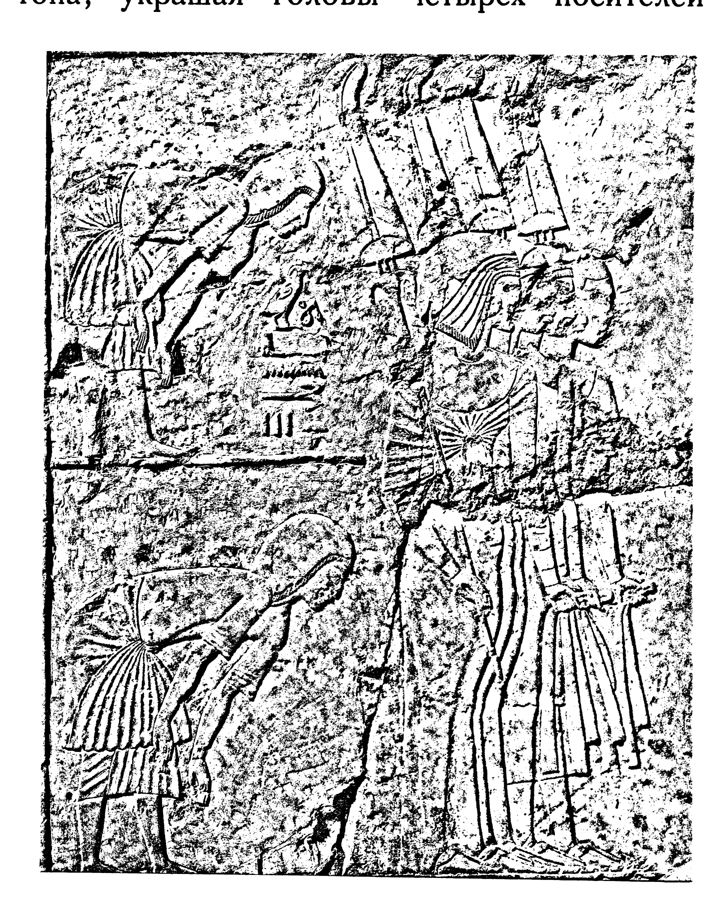

Рис. 7. Рельеф из гробницы Рамеса в Фивах (известняк) (Bissing, Denkmäler ägyptischer Skulptur)

Эпоха Тель-Амарны, внесшая так много нового в египетский костюм, коснулась и моды обуви, начиная уже с того, что сандалии стали теперь более частым явлением, чем раньше [3]. Но обувь тель-амарнского общества изменилась также и по своей форме. Особенно типичное изображение тель-амарнской сандалии мы имеем на нашем рисунке 4. Здесь сохранились (направо) нижние части фигур царя

[1] Davies, ук. соч. IV, тбл. XXIX, XXXV; VI, тбл. XXXIX.

[2] Ср. наблюдения Bissing о прическе этих сановников в тексте к тбл. 81.

[3] Правда, ношение сандалий стало более обычным уже вообще в эпоху Нового Царства (ср. Erman, Aegypten und ägyptisches Leben im Altertum, 312), но в особенности частым оно становится в эпоху Тель-Амарны (ср. Davies, ук. соч.). Возможно, что в этом сказалось семитическое влияние; для вавилонских, напр., семитов является характерным употребление сандалий, в противоположность босым сумерийцам; ср. Ed. Meyer, Sumerier und Semiten in Babylonien (Abh. d. Berl. Akad., 1906).

и царицы. Хорошо моделированные ноги обуты в сандалии. Дужка этих сандалий чрезвычайно толстая и, что характерно, она поставлена особенно круто. Сандалии с подобными дужками типичны для Амарны. Сандалии предшествующей эпохи снабжены не столь крутыми дужками; ср. хотя бы стелу Туны эпохи Тутмосиса IV (рис. 8), на которой дужки сандалий царя и следующего за ним вельможи поставлены значительно менее круто, чем на лейденском фрагменте; этим же отличались и сандалии XIX династии от обуви придворного общества царя Эхнатона [1]. Сандалии же амарнского типа с очень крутой подъемной дужкой носит и Харемхеб на нашей стеле, не отличаясь в этом отношении от Харемхеба, изображенного на рис. 2, 3, 6. Таким образом, и обувь Харемхеба эрмитажной плиты требует датировки ее тель-амарнской эпохой.

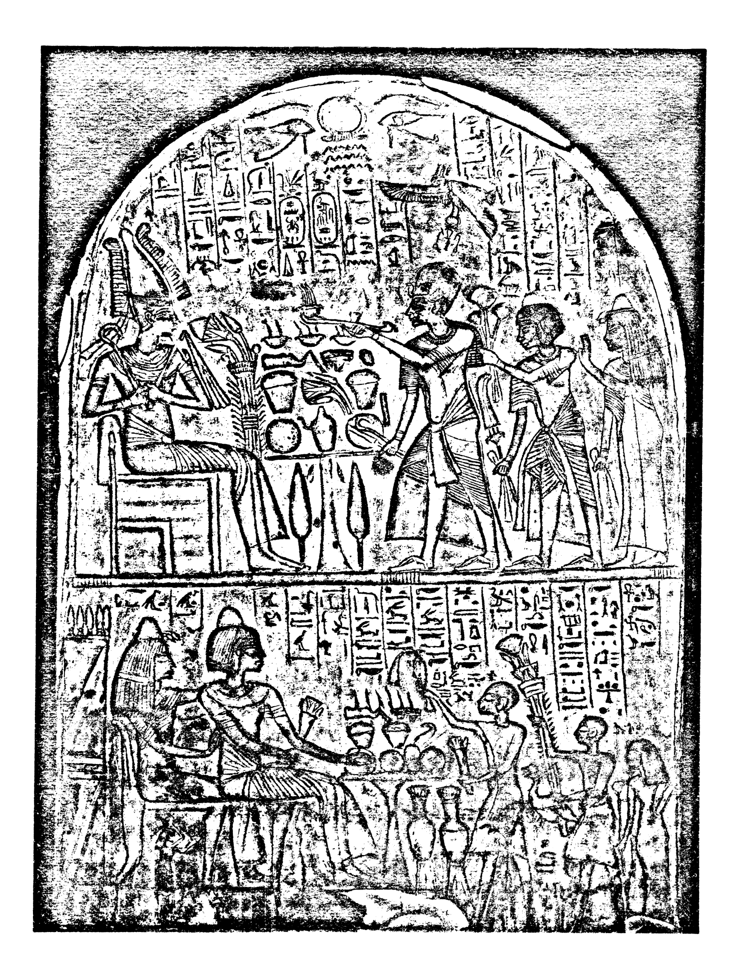

Рис. 8. Стела вельможи Туны (известняк). Каирский музей (Bissing, Denkmäler ägyptischer Skulptur)

К тому же хронологическому определению приводит и двойное ожерелье, которое облегает шею Харемхеба на нашей стеле. Такое же ожерелье носит и Бутера эрмитажной плиты n⁰ 1092 (рис. 9), и Харемхеб лейденского фрагмента, в молитве перед Гором обоих горизонтов (рис. 6). Другой лейденский рельеф знакомит нас ближе с этим украшением (рис. 3), которое подносится на подставках слугами генерала Харемхеба. Эти золотые обручи являются тем знаком отличия, которым Эхнатон награждал своих верных сподвижников [2]. Такая же царская награда украшала и нашего Харемхеба—частица, вероятно, того золотого дождя, который посыпался на него, согласно изображениям на лейденских фрагментах.

Нам остается еще рассмотреть браслеты, которые украшают запястья рук Харемхеба эрмитажной стелы. Подобные рельефные браслеты встречаются редко на памятниках. Египетский браслет на рельефах обычно — прямой и гладкий. Несколько образцов рельефных браслетов мне удалось найти на памятниках ближайшего к тель-амарнскому времени, а именно на памятниках царствования Аменофиса III. На рельефе из гробницы начальника закромов Харемхеба мы видим такие браслеты на руках подчиненных этого сановника (рис. 7, внизу). Такие же браслеты носят люди и боги в известной „гробнице граверов“ того же вре-

[1] Ср. хотя бы сандалии на статуе Рамсеса II туринского музея (Bissing, ук. соч., тбл. 49).
[2] Ср. изображения подобных наград у Davies, ук. соч. VI, тбл. V.

мени [1]; браслет, например, который украшает руку Аменофиса III, имеет рельефные края, подобно браслетам подчиненных Харемхеба, и поэтому почти тожествен с браслетом Харемхеба эрмитажного памятника. Но вполне тожественный браслет изображен на руке известного тель-амарнского вельможи Мерира во входной комнате на восточной стороне южной стены [2]. Других примеров подобного рельефного браслета мне не удалось найти в доступном мне материале, но и этих немногочисленных образцов достаточно для нашей цели; они указывают нам на тель-амарнскую эпоху, или же на близкое к ней время Аменофиса III.

Из нашего детального разбора костюма Харемхеба на эрмитажной стеле мы получаем, таким образом, вывод, что все части этого костюма, как-то одеяние туловища, прическа, обувь, украшения, определенно указывают на принадлежность нашего памятника амарнскому периоду. На близость к той же эпохе указывает и стиль изображений эрмитажной стелы. Для каждого знакомого с тель-амарнским искусством ясна зависимость от последнего нашей стелы. Особенно рельефно сказывается эта зависимость в трактовке форм человеческого тела. Действительно, мы видим на нашей стеле, как у Харемхеба, так и у трех богов, перед которыми он стоит, те же длинные, тонкие шеи, что и на прочих амарнских изображениях, хотя бы, например, на прекрасной стеле, изображающей царя и царицу Тель-Амарны на лугу [3]. Длинные, тонкие руки, которые отличают Харемхеба, мы видим и на рельефах Амарны; как тонки, например, руки Эхнатона и жены его на известном изображении жертвоприношения царской семьи Атону (рис. 10). И длинные, тонкие руки Харемхеба, как я отметил выше при описании, заканчиваются длинными пальцами, концы которых отделены друг от друга. В эпоху до Тель-Амарны пальцы поднятой руки изображаются сплошной, недифференцированной массой, как на уже упомянутом нами рельефе из гробницы Хаемхета, изображающей подчиненных этого сановника с поднятыми кверху руками. На рельефах Тель-Амарны концы пальцев поднятой руки обычно отделяются друг от друга, как например пальцы Харемхеба, молящегося Хармахису на лейденском фрагменте (рис. 6). Тот же мягкий выдающийся живот, отличающий нашего Харемхеба, характерен для Эхнатона и царицы, например, на стеле, недавно найденной при раскопках в Тель-Амарне [4]. Жирные бедра, которые мы отметили у Харемхеба и у Осириса нашей стелы, отличают многих лиц на рельефах амарнской эпохи: ср., например, нижнюю часть изображения царя и царицы на одном из лейденских фрагментов (рис. 5). Наконец, и профиль Харемхеба нашей стелы в сильнейшей степени напоминает профиль будущего царя Харемхеба на рельефе почитания им Гора обоих горизонтов (рис. 6).

Мы должны, таким образом, признать, что и по стилю наша стела бесспорно относится к амарнской эпохе—времени, когда жил полководец и царь Харемхеб. На этот же период указывает и то первенствующее место, которое занимает Тум, главный бог Гелиополя, на стеле Эрмитажа. Культ этого древнего города, как известно, был выдвинут Эхнатоном в противоположность культам Фив. Таким

[1] V. Scheil, Le tombeau des graveurs (Mémoires de la Mission Arch. Fr. au Caire, 555, тбл. I).
[2] Davies, ук. соч. IV, тбл. XXXVIII.
[3] Bissing, ук. соч., тбл. 83.
[4] Bissing, тбл. 81 A.

образом, на основании данных археологии, истории искусства и истории религии, в связи с тожеством имен и титулов, мы можем теперь установить с достоверностью что на эрмитажной стеле n⁰ 1061 изображен наследный князь и великий начальник солдат Харемхеб, достигший впоследствии царского престола.

Если можно считать доказанным принадлежность нашей стелы известному царю конца XVIII династии, правившему от 1350 г. до 1315 г., то перед нами встает теперь вопрос о локализации нашего памятника. Относится ли он к той же гробнице Харемхеба, из которой происходят и прочие выше перечисленные фрагменты, разбросанные по разным музеям (причем наиболее ценные из них хранятся, как мы видели, в лейденском музее)? На основании традиции находки, фрагменты лейденского музея происходят из Саккара (см. выше). Здесь же стояла и та пышная гробница Харемхеба, фрагменты которой теперь рассеяны по шести музеям. Невольно возникает догадка, не относится ли и наша стела к этой гробнице. Это предположение тем более правдоподобно, что эрмитажная плита, очевидно, является стелой, параллельной по своей композиции „стеле трех гимнов“ Британского Музея. На обоих памятниках Харемхеб изображен в молитве перед тремя божествами, которые стоят перед ним друг за другом. И там, и здесь крылатый диск парит над изображениями. И расположением своих надписей, и стилистическими деталями оба памятника напоминают друг друга. Разница только в том, что изображение Харемхеба перед тремя божествами на стеле Британского Музея находится в верхнем ярусе, занимающем примерно одну треть всей поверхности плиты, а на стеле Эрмитажа аналогичное изображение покрывает всю поверхность памятника. Но, весьма возможно, что и петербургская стела представляет собой не что иное, как верхний ярус плиты, подобной плите Британского Музея. Дело в том, что стелы с таким сильным закруглением и столь большой широтой при незначительной высоте мы не имеем среди музейных памятников. Поэтому легче всего предположить, что наша плита является верхней частью более крупной стелы, нижняя часть которой содержала длинные гимны богам, изображенным в верхнем

Рис. 9. Стела Бутеры (известняк). Эрмитаж (с фотографии)

ярусе ее, подобно стеле Британского Музея. Возможно, что мы найдем еще в одной из коллекций и остальную часть нашей стелы, или, по крайней мере, хоть фрагмент ее. При таком предположении фрагментарности нашего памятника, вполне вероятно, что он в целом своем виде украшал гробницу Харемхеба в Саккара вместе со стелой Британского Музея. И это тем более вероятно, что ширина обеих стел почти совпадает [1]. Гробница же Харемхеба в Саккара, судя по фрагментам ея, была достаточно роскошна, чтобы быть украшенной двумя столь монументальными стелами. Единственно, что могло бы удержать от подобной локализации нашего памятника, было бы то обстоятельство, что Харемхеб на нем лишен урея. На стеле же Британского Музея, согласно свидетельству Эд. Мейера (см. выше), чело Харемхеба украшено уреем. Но, насколько можно судить по снимку с этой стелы (рис. 2), голова Харемхеба слишком пострадала, чтобы можно было говорить об урее на лбу, по крайней мере и Breasted приходит к такому же отрицательному результату: „His (т. е. Харемхеба) head is (in the photograph) almost wholly destroyed, and the uraeus, if present, cannot be discerned“. Бёдиг в своем описании этой стелы также не упоминает об урее [2]. Поэтому я полагаю, что Эд. Мейер, исходя из догадки отожествления Харемхеба британской стелы с Харемхебом лейденских фрагментов, уже a priori предположил на челе первого царственный урей, который, как известно, украшал лоб Харемхеба на памятниках лейденского музея. В виду фрагментарности изображения британской стелы, я лично думаю, что нельзя ничего говорить о характере головного убора. При попытке же реконструкции его надо исходить не из лейденских фрагментов, а из хорошо сохранившегося изображения петербургской стелы, которая во всех прочих отношениях так поразительно похожа на плиту Британского Музея. Раз чело Харемхеба эрмитажной стелы не украшено уреем, то надо полагать, что и лоб Харемхеба на стеле Британского Музея остался без этого царского отличия [3]. Еще одно обстоятельство как будто противоречит нашей локализации эрмитажной стелы в гробнице Харемхеба, а именно техника ее. Изображения эрмитажной плиты, как и плиты Британского Музея, исполнены в столь часто употребляемой египетскими ваятелями технике рельефа en creux. Все же прочие фрагменты Саккарской гробницы выполнены в барельефе. Но этот факт не может опровергнуть нашей локализации. Дело в том, что мы имеем многочисленные примеры, когда эти два рода рельефной техники чередуются даже в самой гробнице [4], тем более это возможно по отношению к стелам, которые в громадном большинстве случаев исполнялись en creux. За локализацию же эрмитажной стелы некрополем Саккара говорит почитание на ней Пта-Сокариса, как известно, бога-покровителя этого некрополя.

[1] Budge, A guide to the egyptian galleries (Sculpture) n⁰ 461 (стр. 130): „Height 6 ft. 3 in., width 3½ in.“).

[2] Breasted, Anc. rec. III § 18; Budge, ук. соч., 130.

[3] Причину же того, что обе стелы остались без соответствующих изменений надо искать в возможности их замены другою или другими стелами, на которых Харемхеб был изображен уже в полном царском орнате. Быть может, одна из этих стел, заменивших нашу эрмитажную, или лондонскую стелу, сохранилась в каирском музее; эта последняя стела изображает Харемхеба в полном царском орнате перед Ра-Хармахисом (J. Capart, Recueil des monuments égyptiens, тбл. LXXVII). Фрагмент другой стелы царя Харемхеба, хранящийся в University College в Лондоне, цитирует Flinders Petrie (History of Egypt II, 242 и 252).

[4] По мнению Биссинга (ук. соч., текст к тбл. 15 — 16), причинами чередования барельефа и рельефа en creux во многих случаях являются различия в освещении; по его предположению, техника рельефа en creux возникла в темных или полутемных комнатах гробниц (см. там же полемику его с Перро-Шипьè и Эрманом).

За ту же локализацию нашего памятника говорит и стиль его. Но для уяснения последнего нам потребуется более детальная характеристика стиля тель-амарнского искусства, его происхождения и развития.

Обычно различают теперь в тель-амарнском искусстве три периода, последовательно сменявшие друг друга. Первый период охватывает те шесть лет начала царствования Эхнатона (1383—1377), в течение которых Фивы продолжают оставаться резиденцией царя. В это время искусство следует еще идеализирующим образцам предшествующей эпохи Аменофиса III [1]. Уже к концу этого периода чувствуются новые веяния и переход ко второй стилистической фазе тель-амарнского искусства, когда в нем, перенесенном в новую столицу, „достигли кристальной чистоты натуралистические стремления египтян“ [2]. В этот период возникают такие шедевры, как рельеф царя и царицы на лугу [3]. Третий период совпадает с последними годами правления Эхнатона, когда придворные художники, в своем стремлении к еще большему натурализму, впадают в манерность [4], изображая царя в столь отталкивающем виде, как, например, на рельефе жертвоприношения Атону (рис. 10).

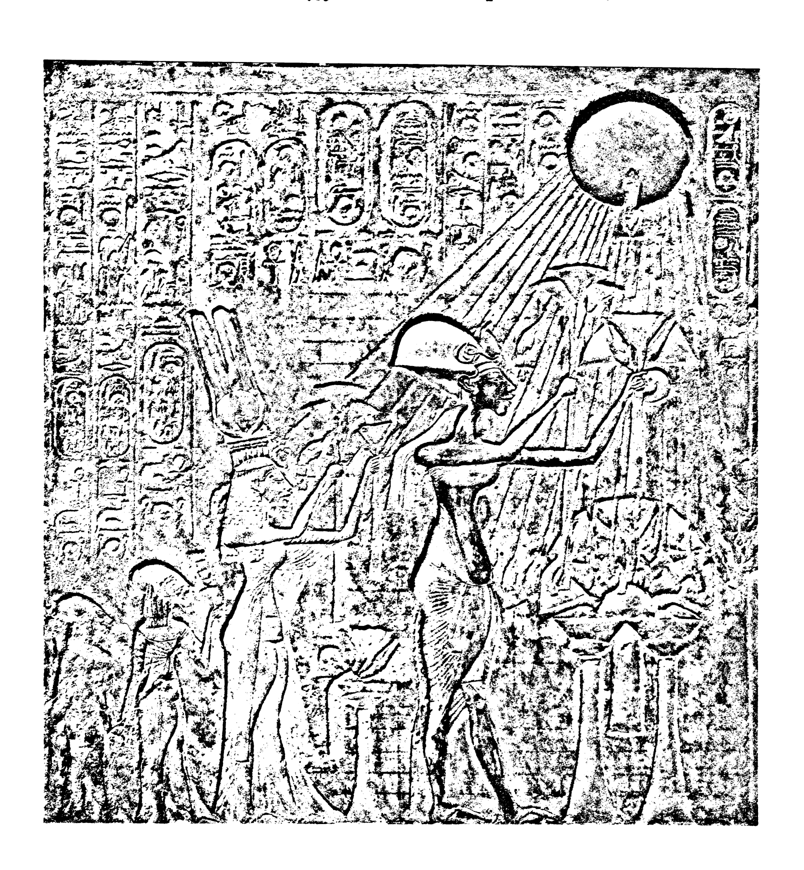

Рис. 10. Семья царя почитает Атона. Рельеф (известняк) (Bissing, Denkmäler ägyptischer Skulptur)

Эти вехи развития были впервые установлены Биссингом [5] и в общем не встретили в литературе возражений. Несмотря на это, мне думается, что придется все же изменить этот взгляд Биссинга на развитие тель-амарнского искусства. Подобное разделение его на три, следующие друг за другом периода невполне согласуется с некоторыми фактами. Мы имеем бесспорный пример перехода первого периода не во второй, а непосредственно в третий, а именно в рельефе из гробницы Рамеса (рис. 7). Эта гробница Рамеса датируется первыми шестью годами царствования Эхнатона, когда она и строилась, ибо после переселения царя в Тель-Амарну она была оставлена в своем незаконченном виде [6]. Но, несмотря на эту раннюю датировку, рельеф, изображающий процессию носителей опахала, характеризуется

[1] Ф. В. Баллод, Египетское искусство времени Аменофиса IV (1914), рис. 8.
[2] Баллод, ук. соч., 17.
[3] Bissing, ук. соч., тбл. 83.
[4] Bissing, текст к тбл. 81a.
[5] Bissing, текст к тбл. 45, 45 A, 50, 81 и 82/83.
[6] Ср. Davies, ук. соч. I, тбл. XXIX.

всеми особенностями, свойственными стилю третьего периода. Действительно, формы тела шествующих вельмож отличаются теми же патологическими чертами, которые так часто встречаются на поздних тель-амарнских рельефах. И это неудивительно, ибо один и тот же художник работал над рельефом гробницы Рамеса в первые годы правления, и над украшением тель-амарнской гробницы Меира, рельефы которой выполнены в стиле «третьего периода» Биссинга [1]. Вероятно, можно было бы увеличить число художников фиванского периода Эхнатона, работавших и в течение так называемого позднего периода тель-амарнского искусства, но для нашей цели достаточно и этого одного примера. Действительно, как объяснить, исходя из теории Биссинга, появление мастера „третьего, позднего стиля“ чуть ли не в первые годы царствования Эхнатона? Из этого факта, очевидно, вытекает необходимость, для более отчетливого понимания развития тель-амарнского стиля, принять в расчет не только категорию времени, но и пространства. Другими словами, тель-амарнский стиль не мог возникнуть и развиться в недрах одной какой-нибудь школы, но образовался в виде сложного результата взаимодействия нескольких художественных школ с резко выраженными особенностями. Такой взгляд на возникновение тель-амарнского искусства был высказан уже Масперо в 1912 г. Он полагал, что Эхнатон, перенеся свою столицу в Тель-Амарну, местечко в Гермополитанском номе, оживил снова местное искусство, процветавшее здесь в эпоху Среднего Царства, и особенностью которого был крайний натурализм, впадавший порою даже в карикатурность [2]. Из взаимодействия фиванского, идеализирующего, и гермополитанского, натуралистического, стилей и получилось в конечном итоге, по мнению Масперо, искусство Тель-Амарны [3]. Но мне думается, что это искусство еще более сложно; по крайней мере, эрмитажная стела не может быть вполне удовлетворительно объяснена из взаимодействия художественных приемов одних лишь фиванской и гермополитанской школ. Действительно, разбираемый нами памятник, не совпадает вполне, несмотря на общее сходство стиля (см. выше), с художественными произведениями „третьего“ и даже некоторыми образцами „второго“ тель-амарнских периодов Биссинга. Вглядываясь в изображения эрмитажной стелы, как и прочих фрагментов Саккарской гробницы Харемхеба, мы видим, что ни одна из деталей изображения человеческого тела не является утрированной. И это отсутствие утрировки и манерности роднит группу данных памятников, с одной стороны с лучшими произведениями тель-амарнского стиля, с другой же, — с некоторыми памятниками предшествующей эпохи, но не Аменофиса III, а Тутмосиса IV, например, со стелой Туны (рис. 8). Уже Биссинг в своем детальном исследовании стелы Туны пришел к выводу о связи искусства Тутмосиса IV и Эхнатона [4]. По его мнению, в эпоху Тутмосиса IV возникло то натуралистическое течение, которое в конечном итоге привело к тель-амарнскому искусству. И вот перед нами возникает вопрос, где же искать происхождение этого своеобразного реалистического стиля, одинаково резко отличающегося, как от идеализирующей фиванской школы, так и от крайностей натурализма Гермополиса. Правильное решение этого вопроса дает Баллод, в своем

[1] К сожалению, все эти памятники начала царствования Эхнатона, как напр. гробница Рамеса и фрагменты фиванского храма Атону, еще полностью не изданы.

[2] Ср. изображения „толстого“ и „худого“ в гробницах Меира у Maspero, L'Egypte, рис. 105 и 106.

[3] Maspero, ук. соч., 184.

[4] Bissing, vк. соч., текст к тбл. 78.

исследовании „Египетское искусство времени Аменофиса IV". Родину названного стиля он находит в Мемфисе [1]. Здесь, в Мемфисе, мы находим памятники с ярко выраженными чертами тель-амарнского стиля, но без его крайностей. Наиболее ценным обращиком подобных памятников является знаменитый рельеф из гробницы верховного жреца Пта с изображением похоронной процессии [2]. Мы видим здесь ту же удивительную способность к передаче глубоких душевных переживаний, в данном случае скорби о кончине близкого человека, что и на лучших произведениях Тель-Амарны [3]. Мы видим на мемфисском рельефе тот же своеобразный натурализм эпохи Эхнатона в трактовке человеческого тела, но без всех тех крайностей, которые характеризуют целый ряд тель-амарнских рельефов местной гермополитанской работы. И вот к тому же художественному кругу, что и рельеф из гробницы верховного жреца Пта, принадлежат, как можно думать, фрагменты саккарской гробницы Харемхеба, а вместе с ними и наша эрмитажная стела. Она была изготовлена мастером мемфисской школы в стиле тель-амарнской эпохи, но свободном от влияния местной гермополитанской манеры. Ввиду этого, можно с известной вероятностью предположить, что место происхождения стелы надо искать здесь же, на севере, вблизи Мемфиса, в древнем некрополе Расетау, где она, вместе со стелой Британского музея, украшала пышную гробницу Харемхеба. Таким образом, и на основании доводов, вытекающих из анализа стиля, становится вероятной локализация эрмитажного памятника окрестностями Мемфиса.

Мы пришли к концу нашего исследования. Резюмируем вкратце его результаты. Эрмитажная стела n^{0} 1061 принадлежала сановнику Харемхебу, сделавшемуся впоследствии царем. Время возникновения ее определяется тель-амарнским периодом, когда Харемхеб еще не был царем. Стела стояла в роскошной гробнице этого вельможи, воздвигнутой в царствование Эхнатона; к другим частям той же гробницы относятся стела Харемхеба в Британском музее, лейденские и др. фрагменты. Место возникновения стелы надо искать в мемфисских мастерских.

В. Струве.

[1] Ballod, ук. соч., стр. 23 сл.; С. Л. Каменецкий указал мне и на другие фрагменты мемфисских гробниц тельамарнского периода (Boeser, ук. соч., тбл. 2 — 12).

[2] Breasted, Gesch. Ägypt., рис. 131 к стр. 249.

[3] Bissing, текст к тбл. 82 — 84.